

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА САДОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tatsad_90@mail.ru

АННА АЛЕКСАНДРОВНА СОЛДАЕВА

аспирант кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, старший преподаватель кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ) (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
a.a.soldaeva@gmail.com

СМЕРТЬ В РУССКИХ ЗАГАДКАХ И СНОГАДАНИЯХ: ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ

Загадка и сногадание как древнейшие жанры русского фольклора демонстрируют систему как региональных (диалектных), так и общерусских (шире – общеславянских) символов, отражающих национальное своеобразие русской речевой культуры и создающих «сеть» ее специфических кодов. Устойчивость последних часто связывается с ментальной и психологической неизменностью этнокультурных представлений. В статье обосновывается феномен языковой (речевой) памяти как особого механизма создания и сохранения символических обусловленностей, составляющих культурную традицию народа. На примере текстов загадок и сногаданий о *смерти* показаны метонимические замещения наименований смерти наименованиями предметов, явлений, лиц, представляющих ее в традиционной фольклорной коммуникации. Проиллюстрированы типичные мифолого-поэтические обусловленности: *дерево – смерть, птица – смерть, полотно – смерть*. В статье приводятся загадки из сборника В. Митрофановой и сногадания из сборников XIX и XX веков, а также материалы полевых экспедиций сотрудников СПбГУ в районы Русского Севера.

Ключевые слова: культурный код, языковая память, традиционный символ, фольклорная коммуникация, загадка, народные сногадания

Древнейшие жанры русского фольклора хранят первичные культурные коды, которые почти в неизменном виде встречаются и в современном культурном общении, что рядом исследователей трактуется как свидетельство вневременной устойчивости народной ментальности (см., напр.: [4]).

Выбор двух форм русского фольклора – загадки и сногадания – в этом отношении неслучаен: помимо однокорневого именованья (этимологически *гад-ати* – ‘думать’, ‘предположение, подозрение’, ‘находить чутьем’, ‘речь, вера’ (Фасмер: I, 3810))¹, эти жанры имеют сходную коммуникативную природу – они предполагают наличие обязательной толковательной практики, в свою очередь, выполняющей этно- и культурно-идентификационную функцию.

Действительно, разгадывание снов и загадок – ярко маркированная национальная культурой система знаков и представлений: умеющий отгадать, угадать, распознать в метафорическом тексте загадки или устном рассказе о сне некие символы и знаки реальной жизни должен в полной мере обладать системой общенациональных представлений. Иными словами, эти формы устноречевого общения – для «своих» и ради узнавания / определения «своих».

При всей естественной для любого жанра фольклора текучести и вариативности текста следует отметить, что «ядро» соотносительных рядов русских сногаданий достаточно устойчиво и бытует на всей территории России [8]; часть «загадочного» фонда также имеет общерусский (шире – общеславянский) характер. Это особенно заметно, когда темой гаданий становится представление о важнейшем для жизни человека явлении, которое неизбежно наделяется множеством культурных значений и символических смыслов. Одно из них – *смерть*.

Известно, что метафоры-заместители *смерти*, представленные в русских загадках, являются ее устойчивыми культурными знаками. Так, птицы «наделяются медиаторскими функциями: осуществляют связь между верхним и нижним мирами, свободно проникая в небеса и спускаясь в преисподнюю» [2: 558]. Дуб в общеславянской традиции связан с мировым древом и потому обладает рядом интегральных функций. «С помощью образа дуба моделировались <...> представления о смерти и уход человека из жизни, ср. <...> во фразеологии *глядеть в дуб, дать дуба, одубеть*» [1: 144].

В тёмном бору на дубу сидит птица, / Всяк её боится, / Никто от неё не уйдёт: ни царь, ни

царица, ни красная девица, / Ни рыба в море, ни заяц в норе. Смерть (Загадки, 61)². Очевидно, что сакральное поле «смерти» подчеркивается характерными лексическими маркерами с семантикой страха, неизбежности, потусторонности: *в темном бору, всяк боится, никто не уйдет*. Сходные символические соотношения ожидаемо находим и в народных сногданиях: *Птица во сне – к покойнику* (СДК-49, Ивановское, 1990)³; *Увидеть птицу в окне – услышать о смерти* (Ляцкий, 140)⁴ и др.

В современном интернет-пространстве, на различных «мистических» сайтах можно обнаружить те же приметы сна:

Какие сны предвещают смерть близкого человека? Сюжетов таких сновидений великое множество, упомянем самые однозначные:

- *если во сне у вас выпадает зуб без крови – это предвестие смерти близкого человека вообще;*
- *плохим предзнаменованием выступает птица, стучащаяся в оконное стекло, особенно если она его разбивает и врывается в комнату и др.* (<http://paranormalnost.ru>).

И. Н. Райкова замечает, что «традиционная загадка чрезвычайно фамиллярна с такими серьезными темами, как смерть, гроб, покойник. <...> Практически во всех загадках <...> эти вещи, которые должны вызывать священный трепет, вышучиваются, что, вероятно, отражает стремление древнего коллективного сознания победить смехом страх перед смертью и таким образом самой смерть» [7: 11]. Особенности древней смеховой культуры хорошо исследованы [5], и традиционные игры со смертью (например, обряд «игры при покойнике») известны этнографической науке [3]. В данном случае важно заметить другое: загадки о смерти не столько ее высмеивают, сколько придают ей характер повседневности, обыденности. На языковом уровне это достигается путем номинации предметов, метонимически связанных с фактом смерти. Поэтому *смерть* и в «загадочных» текстах, и в традиционных сногданиях часто замещается устойчивым набором вещных заместителей: *вспаханной грядой, новым домом, разомкнутым кольцом, дорогой* и т. д.

Примечательно, что этот общий межжанровый фонд символических соотношений весьма устойчив и, на наш взгляд, во многом благодаря так называемой **языковой памяти**, особому феномену народной устноречевой культуры, основу которой составляет **речевой прецедент** – устойчивая и бесконечно воспроизводимая в своей цельности номинация помысленной ситуации. По аналогии с «классическим» фразеологизмом такой речевой прецедент не создается в потоке речи, а воспроизводится целиком. Важно и то, что в отличие от фразеологической единицы лексическое варьирование речевого прецедента неизбежно, причем путем различных видов пере-

носа – как метафорического, так и метонимического характера.

Для примера обратимся к соотносительным рядам сноприметы и загадки с темой «смерть», в которых участвует один вещный символ с исходной семантикой «дерево». Условно эту соотношенность можно выразить формулой: «дерево (дуб) → смерть»: *Скрип дерева – к смерти* (Ляцкий, 140).

Возможные варианты речевого прецедента, обусловленные лексическими замещениями смерти:

<деревянное корыто>: *Сидит сова на корыте, / Не можно её накормити / Ни попом, ни дякам, ни миром, / Ни добрыми людьми, ни старостами. Смерть* (Загадки, 61);

<жилище из дерева>: *Дом, разваливающийся по бревну, – к разорению, смерти* (Ляцкий, 143); *Если видишь новые дома <...> – то умрет кто-нибудь в доме* (Харламов, 25)⁵; *Дом строящийся – к покойнику* (Якушкина, 30)⁶.

В перечисленных примерах обнаруживается компиляция нескольких речевых прецедентов, имеющих схожее культурное значение: «сова (птица)» – «смерть»; «дом для жизни» – «дом для смерти» (домовина – ‘гроб’). Интересно, что обязательная «деревянность» погребального жилища уступает обобщающему представлению о загробном доме – так возникают метонимические цепочки номинаций исходного символа с широкой жанровой синонимией (дом – здание – изба – двор – семья): *Видеть себя в новом, иногда не отстроенном здании – смерть личная, или смерть того, кто приснился* (Никифоровский, 137)⁷; *Избу развалившуюся видеть, двор – отъезд хозяина, а иногда и смерть его или кого-нибудь из домашних* (Дерунов, 151)⁸; *Из семьи кто-то уходит во сне – умирает* (Харламов, 25).

Этот же речевой прецедент (*дерево / дом – смерть*) обнаруживается в других жанрах фольклора, например в девичьей обрядовой песне, весьма точно его (прецедент) воспроизводящей:

[Ей неловок сон привиделся:]

Пустая хоромина,

Все углы развалилися,

На печище котиче лежит,

А по полу гусыня,

А по лавочкам ласточки,

По окошечкам голуби.

Как пустая хоромина,

Все углы развалилися,

По бревну раскатилися! (Киреевский, 70)⁹.

Актуализированные здесь «вещные» символы смерти чрезвычайно устойчивы и весьма показательны.

Смерть как культурный концепт (по терминологии Н. И. Толстого [10]) в жанре загадки реализуется при помощи тех же символических обусловленностей и обладает следующими основными культурными значениями: «всеобщность»

(перед смертью все равны: *На горе Волынской / стоит дуб Ордынской, / На нём сидит птица Веретено, / Сидит и говорит: «Никого не боюсь: ни царя в Москве, ни короля в Литве». Смерть* (Загадки, 61)); *В тёмном бору на дубу сидит птица, / Всяк её боится, / Никто от неё не уйдёт: ни царь, ни царица, ни красная девица, ни рыба в море, ни заяц в норе. Смерть* (Загадки, 61)); «прожорливость», «ненасытность» (*Сидит сова на корыте, / Не можно её накормити / Ни попам, ни дякам, ни миром, / Ни добрыми людьми, ни старостами. Смерть* (Загадки, 61)); «обладание властью над всем, кроме самой смерти и бога» (*Сидит птица на кусту, молится самому Христу: «Дал ты мне власть над людьми и зверями, над птицами и рыбами, только не дал ты мне власти над самой собой». Смерть* (Загадки, 61)).

Перечисленное подтверждает мысль о том, что в мире загадки *смерть* предстает как нечто оформленное, материальное, едва ли не бытовое. Эта повседневность *смерти* поддерживается и привычными (прецедентными) речевыми соответствиями, не всегда (и даже чаще всего – чрезвычайно редко) носителем традиционной культуры мотивированными с точки зрения их логики или содержания.

В народном соннике, как указывалось, существует «ядро» – устойчивая система знаково-соответствий независимо от региона и времени их фиксации, в том числе – предвещающих смерть: *выпавший зуб, новый бревенчатый дом, разбитое яйцо, высохший ручей, птица в окне, распаханная межа* и др.

Зачастую единственным «объективным» показателем именно такой (а не иной) обусловленности знака и следствия является речевая память: носитель культуры по-своему объясняет традицию зафиксированных обусловленностей, причем важно то, что в этом объяснении большую роль играют собственно языковые (лексико-

семантические) факторы: <Почему выпавший зуб обозначает смерть?> *Зуб-то твердый. Значит, кость это, а если кость усохнет или умрет, вот и смерть пришла. Как без кости-то жить?* (СДК-29, Лампожня, 1986).

Метафорические сближения в народном соннике – частый тип обусловленной связи сноска и его последствия, о чем Н. И. Толстой писал как о типичном способе создания снопгноза [9]. *Если видишь новые дома <...> – то умрет кто-нибудь в доме* (Харламов, 25); *Зуб выпавший видеть у себя предвещает большое несчастье* (Балов, 209)¹⁰; *Зуб выпавший – умрет кто-то в семье* (Якушкина, 30) и др. Однако, думается, первична в этом языковом сближении метонимия – древнейшее замещение имени сакрального и таинственного явления смерти названием предмета, ее «сопровожающего». Так, *полотно, ткань, ткачество, белый платок* во сне – знаки похорон, смерти, потери в семье: *Ткать во сне – к покойнику* (Колосов, 171)¹¹; *Стол во сне прикрывать скатертью – покойник в доме* (Колосов, 171); *Платок белить во сне – к смерти* (СДК-18, Веркола, 1984); *Платок повязывать – к слезам или смерти в семье* (СДК-29, Лампожня, 1986). Кусок ткани как часть погребального обряда становится во сне символическим предупреждением о близкой смерти в доме. Метонимия множит и дробит исходную символику обусловленной связи «белая ткань – смерть», создавая синонимический ряд однофункциональных наименований-снознаков: *ткать* (полотно) – *скатерть* – *платок* – *белый платок*.

В древнейших жанрах русского фольклора – сноганиях и загадке – представлены мифологические и ментальные способы кодирования традиционных знаний о мире, причем немало важным фактом этого кодирования оказывались собственно языковые механизмы создания общекультурных символов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. III. 832 с. (Фасмер).

² Загадки / Изд. подг. В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968. 248 с. (Загадки).

³ «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» кафедры русск. яз. СПбГУ (СДК).

⁴ Ляцкий Е. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 139–149 (Ляцкий).

⁵ Харламов М. Суеверия, поверья, приметы и заговоры, собранные в гор. Майкопе // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Вып. XXXIV. Отд. III. Тифлис, 1904. С. 1–28 (Харламов).

⁶ Якушкина Е. И. Народный сонник из Каргополя // Живая старина. 1999. № 2. С. 29–30 (Якушкина).

⁷ Никифоровский Н. Я. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 133–139 (Никифоровский).

⁸ Дерунов С. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 149–151 (Дерунов).

⁹ Собрание народных песен П. В. Киреевского. Тула: Приокское книжное издательство, 1986. 462 с. (Киреевский).

¹⁰ Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях // Живая старина. 1890. Вып. IV. С. 208–213 (Балов).

¹¹ Колосов М. Архивные материалы по народному русскому языку и народной словесности // Русский филологический вестник. 1879. Т. II. С. 150–173 (Колосов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т. А. Дуб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 144–146.
2. Гура А. В. Орёл // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 558–559.
3. Гусев В. Е. От обряда к народному театру: (Эволюция святочных игр в покойника) // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор / Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1974. С. 49–59.

4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир Древней Руси. М.: Наука, 1976. 213 с.
6. Паранормальность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://paranormalnost.ru> (дата обращения 12.04.2017).
7. Райкова И. Н. Загадка сегодня: традиции и новации // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 6. М., 2004. С. 7–15.
8. Садова Т. С. Язык народного сонника: общерусский инвариант и региональная специфика // История регионального текста: жанр – стиль – язык: Монография / Отв. ред. Т. П. Рогожникова. Омск: Вариант-Омск, 2012. С. 145–160.
9. Толстой Н. И. Толкование снов: беглый взгляд с филологической и этнографической точек зрения // Наука в России. 1994. № 3. С. 33–37.
10. Толстой Н. И. Проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 41–63.

Sadova T. S., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
Soldayeva A. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

DEATH IN RUSSIAN RIDDLES AND INTERPRETATIONS OF DREAMS: LANGUAGE AND CULTURAL CODES

The riddle and the interpretations of dreams as the oldest genres of the Russian folklore demonstrate a system of both regional (dialect) and all-Russian (broader-Common Slavonic) symbols, which reflect the national originality of the Russian speech culture and create a “network” of its specific codes. The stability of specific codes is often associated with the mental and psychological immutability of the ethno-cultural representations. The article proves a phenomenon of the language (speech) memory as a special mechanism for creating and preserving symbolic conditions that make up the people’s cultural tradition. On the example of the texts of riddles and interpretations of dreams about *death*, the metonymic substitutions of the names of *death* by the names of objects, different phenomena, and persons, who represent it in traditional folk communication, are shown. The illustrated typical mythological-poetic conditionality includes the following: the tree – death, the bird – death, the canvas – death. The article contains riddles found in the collection by V. Mitrofanova and interpretations of dreams from collections of the 19th and 20th centuries. Our research is also based on the Russian North expedition materials put together by the staff of St. Petersburg State University during their trips to the northern regions.

Key words: cultural code, language memory, traditional symbol, folklore communication, riddle, folk interpretations of dreams

REFERENCES

1. Agapkina T. A. Oak [Dub]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'*. In 5 vol. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. Vol. 2. P. 144–146.
2. Gura A. V. Eagle [Orel]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'*. In 5 vol. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004. Vol. 3. P. 558–559.
3. Gusyev V. E. From the rite to the folk theater: (Evolution of the holy games in the deceased) [Ot obryada k narodnomu teatru: (Evolutsiya svyatochnykh igr v pokoynika)]. *Fol'klor i etnografiya: Obryady i obryadovyy fol'klor*. Ed. by B. N. Putilov. Leningrad, Nauka Publ., 1974. P. 49–59.
4. Levi-Bryul L. *Sverkh'`estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1994. 608 p.
5. Lihachev D. S., Panchenko A. M. *Smekhovoy mir Drevney Rusi* [The humorous world of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 213 p.
6. *Paranormal'nost'* [Paranormality]. Available at: <http://paranormalnost.ru> (accessed 12.04.2017).
7. Raykova I. N. Today's Riddle: traditions and innovations [Zagadka segodnya: traditsii i novatsii]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir*. Issue 6. Moscow, 2004. P. 7–15.
8. Sadova T. S. The language of the national dream book: an all-Russian invariant and a regional specificity [Yazyk narodnogo sonnika: obshcherusskiy invariant i regional'naya spetsifika]. *Istoriya regional'nogo teksta: zhanr – stil' – yazyk: Mono-grafiya*. Ed. by T. P. Rogozhnikova. Omsk, Variant-Omsk Publ., 2012. P. 145–160.
9. Tolstoy N. I. Interpretation of dreams: a view from the philological and ethnographic points of view [Tolkovanie snov: beglyy vzglyad s filologicheskoy i etnograficheskoy tochek zreniya]. *Nauka v Rossii*. 1994. № 3. P. 33–37.
10. Tolstoy N. I. Problems of the reconstruction of ancient Slavic spiritual culture [Problemy rekonstruktsii drevneslavyanskoy dukhovnoy kul'tury]. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike*. Moscow, Indrik Publ., 1995. P. 41–63.

Поступила в редакцию 15.05.2017